

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМ. Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И
ФИЛОСОФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
ПРАВИТЕЛЬСТВО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сборник научных трудов

**Омск
2005**

И 73 **Интеграция археологических и этнографических исследований:** Сборник научных трудов / Гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. М.Л. Бережнова, М.А. Корусенко. – Омск: "Издательский дом «Наука»", 2005. – 228 с.

В сборнике публикуются материалы XIII Международного научного семинара "Интеграция археологических и этнографических исследований", посвященного 170-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова и 100-летию со дня рождения В.Н. Чернецова (Омск, 20–22 октября 2005 г.). Представлены работы ученых из разных регионов России и Казахстана по методологическим, историографическим, методическим проблемам интеграции археологии и этнографии. Ряд статей посвящен результатам этноархеологических исследований. Особенностью этого сборника является новый раздел – "Проблемы востоковедения в этноархеологических исследованиях".

Книга рассчитана на специалистов в области этноархеологии, археологии, этнографии, истории, культурологии и других гуманитарных наук.

ББК 63.3

Редакционная коллегия

доктор ист. наук Н.А. Томилов (глав. ред.), канд. ист. наук М.Л. Бережнова (отв. ред.), канд. ист. наук М.А. Корусенко (отв. ред.), канд. ист. наук С.Н. Корусенко (ученый секретарь), канд. ист. наук А.В. Матвеев, академик РАН В.И. Молодин, доктор ист. наук Д.Г. Савинов, канд. ист. наук С.Ф. Татауров, канд. ист. наук Л.В. Татаурова, канд. ист. наук К.Н. Тихомиров, М.Н. Тихомирова, канд. ист. наук С.С. Тихонов, доктор ист. наук Ю.С. Худяков, Е.В. Титов (секретарь).

Рецензенты

канд. ист. наук Т.Б. Смирнова,
канд. ист. наук Б.А. Конилов,
канд. ист. наук Д.Г. Коровушкин.

Издание подготовлено и семинар проведен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 05–06–85073.

МИХАЙЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК В ИЖЕВСКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Михайловский могильник – первый некрополь поселения при Ижевском железодобывающем заводе в начальные полвека его существования. Было бы правильнее называть его Троицким, поскольку при кладбище была сооружена Свято-Троицкая часовня, перестроенная в 1782–1784 гг. в церковь под таким же названием. Однако после пожара 18 мая 1810 г., испепелившего практически всю Нагорную часть поселка, в т. ч. и обе церкви (приходскую Ильи Пророка и Свято-Троицкую кладбищенскую), решением командования строившегося с 1807 г. оружейного завода в лице А.Ф. Дерябина кладбище было заложено в другом месте – далеко к востоку от первого (к юго-востоку от современного Удмуртского университета), при котором уже в 1814 г. была выстроена новая каменная Троицкая церковь (архитектор С.Я. Дудин).

Этот второй ижевский некрополь существовал значительно дольше – с 1810 по 1928 гг., но его участь была предрешена: на месте кладбища были воздвигнуты в 1960–1970-е гг. спортивные, учебные и жилые сооружения, а кладбищенский храм подвергся нескольким перестройкам [16, с. 91, 108, 282]. В 1855 г. на пустовавшем месте бывшего кладбища, очевидно на месте сгоревшей Троицкой церкви [2, с. 47], была построена каменная часовня, освященная в честь св. архистратига Михаила в память назначения его императорского величества Великого князя Михаила Николаевича генерал-фельдцейхмейстером Ижевских заводов (архитектор И.Т. Коковихин) [10, с. 127]. В 1896 г. часовню разобрали и на ее месте воздвигли в 1897–1907 гг. Михайло-Архангельскую церковь (с 1925 г. – собор) [10, с. 127; 15, с. 309].

В 1937 г. решением властей верхний объем собора был разобран [14, с. 57–59], в 1947–1948 гг. та же судьба постигла и цокольный этаж храма – была выломана большая часть кирпичей фундамента вплоть до несущей каменной подушки, как это потом выяснилось в ходе археологических и строительных работ.

За почти два века после того, как кладбище перестало функционировать, о его былом существовании помнили разве что служители церкви и различного рода специалисты. По-видимому, впервые о нем как об археологическом памятнике сообщил в 1927 г. сарапульский краевед Ф.В. Стрельцов [12, с. 69]. Во второй половине 1980-х гг. коллекционер А.П. Сухоплюев осматривал траншею по ул. В. Сивкова и обнаружил человеческие кости и крестик из разрушенных могил юго-восточной части некрополя.

В связи с решением церкви и властей восстановить Свято-Михайловский собор были предприняты предварительные археологические изыскания в 1996, 2001, 2003 гг., в ходе которых удалось исследовать 16 (соответственно 8, 4 и 4) погребений, в большинстве своем нарушенных еще при строительстве храма или при вскрытии грунта экскаваторами. В 2004 г. была осуществлена закладка собора, при этом был вырыт котлован площадью 1800 м² и глубиной 4 м, а старые фундаменты выброшены. Несмотря на присутствие археологов, большая часть погребений была все же уничтожена либо в значительной степени разрушена. Всего было исследовано 26 захоронений, а точнее – то, что от них осталось.

Таким образом, за все годы изучения Михайловского комплекса удалось зафиксировать и вскрыть 42 православных захоронения. Понятно, что это лишь мизерная часть некогда существовавшего ижевского некрополя, поскольку изначально население завода было весьма многочисленным. В 1764 г. здесь насчитывалось 56 изб, а в 1766 г. уже 130. Что же касается численности населения, то к концу 1763 г. только на заводе насчитывался 91 мастеровой (в основном приезжие из других заводов), в 1768 г. – 311, а в 1770 – 2,3 тыс., в числе которых уже были выходцы из местных приписных крестьян [11, с. 8–9; 9, с. 61–62]. К середине 1807 г. в заводском поселении проживало около 4 тыс. жителей, а после закладки оружейного завода, к концу 1808 г., более 6 тысяч [11, с. 21]. В условиях высокой смертности того времени, усугубляемой тяжелыми условиями труда на заводе [11, с. 9–13], требовалось где-то хоронить умерших. Нам неизвестны даты ни возникновения кладбища (впервые оно появилось, кажется, на плане 1807 г.), ни постройки кладбищенской часовни [10, с. 131]. Тем не менее и некрополь, и часовня, бесспорно, появляются вскоре после закладки завода. Как показали археологические наблюдения, захоронения сосуществовали с остатками поселенческого культурного слоя, оставшегося, по-видимому, от строительства и функционирования часовни и церкви [3; 4].

Предварительный анализ погребального обряда Михайловского могильника уже проводился, однако на весьма ограниченном материале [5]. Последние раскопки дали новые сведения о похоронных традициях ижевчан второй половины XVIII–XIX вв. Несмотря на сравнительно небольшое количество

зафиксированных захоронений, удалось выявить их расположение в 17 меридиональных рядах, при этом взаимонарушений почти не наблюдается, что объясняется достаточно кратковременным существованием кладбища.

Могильные ямы имеют широтную (прозападную) ориентацию, причем преобладают расположения умерших головой на запад – юг – запад (47,6%), запад (26,2%), менее распространены направления на юго-запад (16,6%) и запад – север – запад (9,6%). Эта разница в ориентации могил объясняется, судя по всему, сезонными колебаниями. Очертания могил по форме подпрямоугольные, иногда расширяющиеся в сторону изголовий, стенки ям обычно отвесные, днища ровные. Установить их размеры далеко не всегда удавалось, поскольку абсолютное большинство захоронений разрушены строительными работами. Например, длина выявлена лишь у 25 могил (59,5%), а из этого числа преобладали ямы длиной в диапазоне от 101 до 150 см (9 погребений), остальные имели показатели в рамках 45–100 см (5), 151–200 см (6) и 201–252 см (5). Показатель ширины зафиксирован у всех ям: по 15 из них имели его в пределах от 21 до 40 и от 41 до 60 см, 8 – от 21 до 40 см, 4 – свыше 81 см. Более сложное положение с определением глубин могил, т. к. дневная поверхность была основательно перекопана в ходе строительства Свято-Михайловской часовни и особенно собора. Тем не менее у 30 погребений (71,4%) глубина определена, причем преобладали погребения с глубиной от 81 до 140 см (56,7% от числа определенных), более глубокие (140–180 см) составили 36,7%, в целом же разброс глубин составил от 70 до 213 см.

В 40 захоронениях (95,2%) обнаружены четыре разновидности внутримогильных конструкций, в двух какие-либо признаки домовин отсутствовали (4,8%). 1. Явно преобладали никонианские сооружения-гробовища, сколоченные железными гвоздями (25 погребений, или 62,5% от числа определенных), причем в одной из могил (№ 35) были дополнительно использованы угловые оковки и скоба, а в другой (№ 15) выявлено матерчатое покрытие гроба, прибитое бронзовыми гвоздиками. 2. В 5 погребениях (12,5%) железные гвозди для скрепления досок гробовищ не использованы, т. е. здесь использовалась органика – деревянные гвозди или клинья (в трех могилах вместе с досками гробов найдены остатки деревянных "кольшкков", но, вероятнее всего, это не крепеж, а обычные сучки, поскольку во всех случаях здесь найдены железные гвозди), а вернее всего – лыковые (черемуховые) веревки, что характерно для обряда и современных старообрядцев-беспоповцев верховьев Камы [5, с. 207–208, рис. 4; 6, с. 42–44: 7, с. 296]. 3. Удалось зафиксировать остатки колод, выдолбленных из цельных стволов деревьев (7 захоронений, 17,5%) – весьма архаичный древнерусский способ погребения, сохранный старообрядцами, но используемый и прикамскими пермянами [8, с. 268, 270; 17, с. 62, рис. 20–4], правда, у последних гробовища и колоды зачастую покрывались лубом или берестой, что на этом некрополе не зафиксировано. 4. Впервые на памятнике выявлены признаки заворачивания покойных в своеобразные коконы из коры или бересты, представляющие собой в разрезе овалы (размеры двух из зафиксированных таких разрезов 38 × 22 и 30 × 20 см), обычно это детские захоронения. Аналогичные погребения хорошо известны у удмуртов [17, с. 62, рис. 20–5], но в последнее время выявлены и у русских, например, почти все покойные на Зуевключевском III могильнике XVI–XVII вв. были завернуты в бересту. Удалось зафиксировать три случая перекрытия могил дощатыми настилами-полатами, а однажды (№ 30) – слоем плиток песчаника небольшого формата (10 × 15, 10 × 10, 5 × 10 и т. п.) толщиной 1–3 см. Причины появления этой традиции находятся в стадии дискуссии [6, с. 208, рис. 3–1]. В одной из могил (№ 38) в боковой стенке могилы напротив черепа была выкопана прямоугольная ниша размером 35 × 8 см, углубленная до дна ямы, в которой найден бронзовый крест с остатками кожи (аналогичный крест располагался на левой плечевой кости также в остатках кожи с мелкими фалангами детских пальчиков). Сакральный характер этого комплекса безусловен. В одном захоронении (№ 40) на дне гробовища обнаружена подстилка из пластичного минерала белого цвета (известь?) с выступавшими капельками янтарной жидкости, толщина его – от 1 см в изголовье, до 0,5 см у таза, назначение неясно (Эстетика? Санитарная функция? Сакральный смысл?).

Умершие располагались вытянуто на спине головой на запад – юг – запад, запад, юго-запад и запад – север – запад (см. выше). Лишь в одном детском захоронении, совершенном в колоде (№ 27), кости ног были согнуты в коленях, что также не характерно для русского обряда и в историографии воспринимается по-разному [5, с. 208–209]. Положение рук покойных удалось зафиксировать в 17 погребениях (40,5%), в 13 кости рук сохранились частично (30,9%), в 12 (28,6%) отсутствуют вообще (сохранились лишь нижние части костяков либо череп). Варианты расположения рук весьма разнообразны – насчитывается 10 различных сочетаний, которые можно свести к трем группам: вытянуты вдоль тела (одно погребение, 5,9%); одна рука согнута, другая вытянута (2 захоронения, или 11,8%); обе руки согнуты в локтях, предплечья покоятся в области таза, пояса или груди в разных комбинациях (14 могил, 82,3%).

В 20 погребениях некрополя (47,6% всех могил) обнаружены вещевые находки, преимущественно кресты-тельники. Всего найдено 20 тельников в 19 могилах, еще в одной – медный окисел от несохранившегося экземпляра. В пяти захоронениях кресты сопровождалась и другими артефактами: вместе с двумя медными монетами в остатках меха и ткани под черепом (№ 3); с двумя гирьковидными

подвесками на шнурке в области шеи и волосистой подушкой под черепом (№ 24); с остатками головного убора-кокошника (береста, ткань, медное шитье, мех, проволока) (№ 35); с двумя проволочными сережками (одна с напускной бусиной) и височной подвеской типа "одинец" (№ 36); два крестика (один в нише) и гирьковидная подвеска на остатках кожи (№ 38).

В засыпи 13 могил (30,9 %) обнаружены отдельные находки, в т. ч. в двух – кости человека из разрушенных погребений, иногда вместе с остатками гробовищ (№ 9 и 18); фрагменты кирпичей ручной формовки (№ 25 и 30), явно попавшие с поверхности при засыпке ям; плитка песчаника (№ 33) и окаменевшее дерево (7 погребений) – из материкового слоя. В верхнем заполнении двух могил (№ 1 и 38) обнаружены углистые пятна, очевидно затекшие сюда после пожара 1810 г. В одном захоронении (№ 28) несколько крупных кусков древесного угля выявлены в засыпи непосредственно над останками покойного – возможный отголосок некогда бытовавшего поклонения огню как пережиток обряда кремации. Во всяком случае, в древнерусских некрополях такие находки отмечены [5, с. 216–217; 13, с. 286]. В одной из могил (№ 25) в ногах покойного на уровне фиксации "кокона" выявлена круглая столбовая ямка диаметром 8 см, глубиной 7 см с конусовидным дном, оставшаяся, очевидно, от надмогильного памятника. Три других ямки в двух захоронениях располагались так: одна у черепа (№ 35), две в области таза (№ 37) и прямое отношение к комплексам вряд ли имели, т. к. явно более поздние, да и находятся не в ногах.

Таков похоронный обряд Михайловского могильника, оставленного первыми жителями Ижевского завода. Разнообразие его составляющих бесспорно, оно свидетельствует о захоронении на некрополе представителей различных этносов и конфессиональных течений: официальных православных – "никониан" (могилы значительной глубины; гробовища с использованием железа; никонианские кресты); старообрядцев (могилы небольшой глубины, отсутствие железного крепежа в гробовищах; использование колод и "коконов"; староверческие кресты), новокрещеных из числа бывших язычников-удмуртов (часть колод и "коконов"; монеты в одной из могил; украшения в нескольких захоронениях). Вместе с тем отмечается и смешение традиций, например, обнаружение языческих признаков (угли в засыпи, украшения) и старообрядческих атрибутов (женский крест в погребении № 33) в никонианских погребениях.

Это закономерный итог взаимопроникновения культур в условиях проживания в одном поселении представителей различных народов с их традиционными верованиями и совместного труда на крупном предприятии. Этнический состав раннего Ижевска формировался как за счет приезжих с Урала (преимущественно русских мастеров), так и путем рекрутирования рабочих людей из числа приписных крестьян. Последние подбирались в основном среди русского населения и окрестных деревень, таких как Ключи и Карлутка, существовавших еще до 1760 г., и более отдаленных поселений. Представителей других этносов в составе мастеровых – удмуртов, марийцев, татар и др. – было немного, они в основном привлекались на подсобные работы [9, с. 32–34, 60–62]. Во всяком случае, в середине XIX в. (1854 г.) из общего числа жителей (21 539 чел.) в Ижевске проживало 95,4 % русских (20 554 чел.), 2 % удмуртов (424), 2,1 % татар (456), 0,2 % евреев (37) и 0,3 % иностранцев (68 чел.) [1, с. 20].

Весьма красноречив и конфессиональный состав населения Ижевского завода: 94,7 % никониан, 2,1 % старообрядцев и единоверцев, 0,5 % католиков и лютеран, 2,2 % мусульман, 0,4 % иудеев [1, с. 20]. В какой-то мере эти данные можно экстраполировать на начало XIX в., хотя, конечно, строительство оружейного завода повлекло за собой неизбежные изменения в демографии Ижевска.

Литература:

1. *Васица Т.А.* Культура и быт населения Камских заводов в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2005.
2. *Ижевск в фотографиях (дореволюционный период):* Каталог. – Ижевск, 1989.
3. *Макаров Л.Д.* Ижевск во второй половине XVIII – начале XIX вв. (по археологическим данным) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск, 2001. – С. 212–216.
4. *Макаров Л.Д.* Материальная культура и погребальный обряд ижевчан второй половины XVIII – начала XIX вв. (по археологическим данным) // Тезисы докладов 3-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. – Ижевск, 1997. – Ч. I. – С. 4–5.
5. *Макаров Л.Д.* Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 6. – С. 192–232.
6. *Макаров Л.Д.* Погребальный обряд старообрядцев Верхоямья (по археологическим материалам и этнографическим параллелям) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. – Пермь, 2001. – С. 41–45.
7. *На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв.* – М., 1989.

8. *Оборин В.А.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 255–298.
9. *Перевоицков А.П.* Ижевск: Экономико-географический и социальный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. – Ижевск, 1995.
10. *Православные храмы Удмуртии.* Справочник-указатель по документам ЦГА УР. – Ижевск, 2000.
11. *Северюков О.В.* Ижевск: Краеведческий очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. – Ижевск, 1972.
12. *Стрельцов Ф.В.* Археологические памятники и палеонтологические находки Вятской автономной области // Труды Научного общества по изучению Вотского края. – Ижевск, 1927. – Вып. 3. – С. 61–76.
13. *Фролов А.А.* Пережитки язычества в древнерусской погребальной обрядности // Древняя Русь: Пересечение традиций. – М., 1997. – С. 283–309.
14. *Шумилов Е.Ф.* Православная Удмуртия: История Ижевской и Удмуртской епархии. XX в. – Ижевск, 1996.
15. *Шумилов Е.Ф.* Христианство в Удмуртии: Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX вв. – Ижевск, 2001.
16. *Шумилов Е.Ф.* Два века "Ижмаша": Город оружейников: 1807–1917. – Ижевск, 2002.
17. *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. – Ижевск, 1992.

М.Л. Бережнова, А.В. Минин

Омск, государственный университет

"ДОМИК" – ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ (К вопросу о генезисе намогильных сооружений русских)*

При изучении русских кладбищ Среднего Прииртышья был выявлен особый тип намогильных сооружений, который наши информаторы часто называют "домиками". Мы полагаем, что это одна из самых архаичных форм намогильных сооружений.

Во время экспедиции 2005 г. в с. Атирка Тарского района Омской области были обнаружены четыре таких намогильных сооружения. Информаторы не использовали никакого особого термина для их обозначения, соглашаясь с нашим названием, и только один из собеседников предпочел при описании сооружения использовать сравнение "типа хаты".

Из четырех "домиков", обнаруженных на кладбище, хорошо сохранились только два, два других же оказались полуразрушенными. Два "домика" сооружены рядом, в 10 см друг от друга; два других стоят по одному, на некотором расстоянии как от первой группы, так и друг от друга. Все "домики" расположены в центральной части кладбища.

"Домики" представляют из себя строения, сколоченные из досок и имеющие двускатную крышу. Внутри одного из "домиков" (рис. 1) обнаружен развалившийся деревянный крест, при этом снаружи, вплотную к задней стенке, установлен металлический крест высотой 180 см. В средокрестье помещена фотография (Василий Кондратьевич Кондратьев. 1864–1918 гг.), чуть ниже прикреплены две таблички без фотографий и дат рождения и смерти с надписями "Кондратьева Прасковья Тимофеевна" и "Кондратьев Степан Васильевич". Высота этого "домика" 70 см, высота боковой стороны 40 см, ширина 70 см, длина 190 см. Двухскатная крыша домика сделана из досок, положенных с нахлестом, чтобы внутрь не попадала вода, так же сколочены и крыши у других трех "домиков". Ориентация сооружения 44° (на северо-восток). Внутри "домика" нет намогильного холма.

По словам местных жителей, этот "домик", единственный из всех, перестраивался "недавно", видимо, после захоронения П.Т. и С.В. Кондратьевых. Установить время точно не удалось, вероятно, это произошло в 1970-е гг.

Другой "домик" очень низкий, хорошо сохранившийся. Крыша у него полностью поросла мхом. На боковой стенке видны остатки коричневой краски, которой он был выкрашен. Высота "домика" 34 см, при этом высота боковой стороны 10 см, ширина 80 см, длина 190 см. Ориентация 54° (северо-восток).

У двух рядом стоящих "домиков" (рис. 2) крыша прогнила и местами провалилась, сами домики тоже просели. Эти домики напоминают первый, однако у одного из них сохранились остатки

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 05–06–80470 и гранта РГНФ № 05–01–90102а/Б.